

Воздействие марксистской науки видно по ней достаточно ясно. Оно отразилось даже на заголовках некоторых разделов и рубрик главы, посвященной общей истории рабства («Chronologische Übersicht...»), таких, как «От рабства к крепостничеству» (стр. 45) или «Возникновение феодализма» (стр. 51). Многие разделы содержат заметный, а иногда и преобладающий процент работ советских историков и ученых других социалистических стран. Это относится в первую очередь к главам: «Chronologisches Übersicht...» (стр. 8—53), «Восстания рабов» (стр. 149—160), «Библиография и обзоры исследований» (стр. 161—163), к некоторым разделам глав «Рабское сословие» («Рабская терминология» — стр. 143—146; «Рабство или зависимость» — стр. 146—148). В главе о хозяйственной и социальной истории с этой точки зрения можно отметить разделы о сельском хозяйстве и о хозяйственной деятельности рабов (стр. 76—81; 85—86), в главе «Античные источники о рабстве» — это раздел о литературе (стр. 117—122). Вместе с тем «Библиография», несмотря на пробелы и приблизительность рубрикации может помочь в выявлении «белых пятен» отечественной научной литературы. Среди них прежде всего нужно назвать исследование правовых вопросов⁷ (некоторое исключение — манумиссии и положение вольноотпущенников), которые, кстати сказать, активно исследуются в других социалистических странах (Польша, Венгрия). В той или иной мере здесь же могут быть упомянуты и разработанные общих проблем хозяйственной истории, а из более конкретных — истории ремесла и торговли (хотя в этих пунктах «Библиография» может быть особенно неполна), изучение античной теории рабства, роли рабов в сфере культуры, в управленческом аппарате (вопрос, ныне усиленно разрабатываемый в западной историографии), в военном деле, а также некоторых специальных вопросов (ономастика и пр.).

Заканчивая, вернемся к тому, с чего начинали. «Библиография» — еще одно подтверждение тому, что, если тенденция «игнорировать роль рабства в древности»⁸ еще существует в западной науке, то сегодня она — эпитоме. А значит, теряет свою остроту и критика, нацеленная в первую очередь против этого утрачивающего влияние направления. Ведь в сегодняшнем антиковедении самые острые столкновения борющихся концепций, полемические конфликты происходят уже на почве признания рабства, по крайней мере, одним из существеннейших, определяющих явлений в жизни античного общества, сосредотачиваются вокруг понимания связанных с этим явлением фактов, тенденций развития, исторических закономерностей⁹.

⁷ В этой связи следует отметить то внимание, которое неизменно уделяет правовым аспектам рабства и отпущенничества в своих монографиях Е. М. Штаерман (В «Библиографии» под рубрикой «Правовые вопросы» упомянута лишь ее статья о вольноотпущенниках в СИЭ.)

⁸ Пользуясь выражением Я. А. Ленцмана (ук. соч., стр. 35).

⁹ Ср. в настоящем номере ВДИ рецензию А. К. Арнольда на кн. F. Kießle, *Sklavenarbeit und technischer Fortschritt im römischen Reich*, Wiesbaden, 1969.

В. М. Смирин

Themistii Orationes quae supersunt recensuit H. Schenkl. Vol. I: opus consummavit G. Downey, vol. II: opus consummaverunt G. Downey et A. F. Norman, Lipsiae in aedibus B. G. Teubneri, 1965—1971

Фемистий — оратор, философ и политический деятель IV в. — оставил после себя сочинения двоякого рода: 1) философские произведения (парафразы Аристотеля), сохранившиеся как в греческой, так и в сирийской и арабской традиции; 2) речи. Фотию в IX столетии помимо парафраз Аристотеля и комментариев к Платону было

известно 36 гражданских речей *λόγοι πολιτικοί* Фемистия¹; современная традиция насчитывает 34 речи, разделяя их на две группы: *λόγοι πολιτικοί* и *λόγοι ἰδιωτικοί*; одна из этих речей (XII) признана неподлинной (Ю. Кестерс отвергает также принадлежность Фемистию XXVI речи, которая, по его мнению, была написана в IV в. до н. э. и, возможно, принадлежала Антисфену)². Кроме того, арабская традиция приписывает ему политический трактат, адресованный Юлиану, сохранившийся только в арабском переводе³. Помимо того, от его сочинений на моральные темы сохранилась сирийская версия книги «О добродетели» и несколько фрагментов книги «О душе».

Речи Фемистия известны в многочисленных списках, главным образом XIV—XVI вв. (XIII в. датируют обычно Мадридскую рукопись *Matrit. 49* — ныне она в Саламанкском университете), но ни один из них не имеет полного корпуса. Наибольшее число речей (опущены лишь № 22 и 23) содержится в Миланском списке (*Ambros. J 22 sup.*), датируемом началом XV в. Отсутствующие в нем речи «О дружбе» и «Софист» включены в Венецианский сборник (*Marciian. 513*) (речь «О дружбе» известна также в сирийской версии).

Речи издавались многократно, начиная с 1533 или 1534 г., когда Альд Мануций выпустил восемь из них в свет. «Корпус» речей Фемистия складывался лишь постепенно: еще в начале XIX в. А. Маи обнаружил и опубликовал XXXIV речь⁴. В. Диндорф издал в 1832 г. все речи Фемистия, опираясь преимущественно на Миланский список⁵.

В конце прошлого столетия Г. Шенкль приступил к подготовке нового критического издания. Он обследовал множество рукописей и пришел к выводу, что лучшую традицию помимо Миланского списка сохраняют Саламанкский (*Salamanticus I—2—18*) конца XIV в. и Парижский (*Coisl. 323*) начала XV в. (т. I, стр. XVIII). Смерть Шенкля в 1919 г. оборвала его работу. Лишь в конце 40-х годов она возобновилась, причем материалы Шенкля были переданы американскому исследователю Г. Дауни⁶. В 1965 г. он выпустил I том, охватывавший гражданские речи I—XIX, за исключением XII речи, признаваемой, как уже было сказано, подложной⁷. К сожалению, работа была признана неудачной: изданный текст почти не отличался от издания Диндорфа, а приводимые в критическом аппарате разночтения оставались несистематизированными, так что подчас худшее чтение оказывалось включенным в текст⁸. К изданию были привлечены затем А. Норман (в качестве соавтора), а также Г. Х. Хансен, основной критик I тома (в качестве редактора). В 1971 г. издан II том, содержащий «частные» речи (XX—XXIV); кроме того, должно выйти «Приложение» (т. III), куда войдут послание Констанция II синклиту, публично прочитанное Фемистием, фиктивная XII речь (известная только в латинском переводе), а также речь XXIIIa.

¹ Photius, *Bibliothèque*, I, P., 1959, стр. 153 сл. (cod. 74).

² H. Kesters, *Plaidoyer d'un Socratique contre le Phèdre de Platon*, Louvain, 1959, стр. 191 сл.

³ См. J. Croissant, *Un nouveau Discours de Thémistius*, «Serta Leodiensia», 44, 1930, стр. 7—30. О сомнениях в аутентичности арабского перевода см. G. Dagron, *L'Empire romain d'Orient au IVe siècle et les traditions politiques d'hellénisme. Le Témoignage de Thémistios*, «Travaux et Mémoires», 3, 1968, стр. 223 сл.

⁴ Новое издание: H. Schneider, *Die 34 Rede des Themistios*, Winterthur, 1966.

⁵ *Themistii Orationes ex codice Mediolanensi emendatae*, Lipsiae, 1832. Перепечатано: Hildesheim, 1961.

⁶ См. его работы о Фемистии: «Transactions of the American Philological Association», 86, 1955, стр. 291—307; *Themistius and the Defence of Hellenism in the Fourth Century*, «Harvard Theological Review», 50, 1957, стр. 259—274; *Themistius' First Oration*, «Greek and Byzantine Studies», 1, 1958, стр. 49—69; *Allusion to Christianity in Themistius' Orations*, «Studia Patristica», 5, 1962, стр. 480—488.

⁷ См. о ней R. Foerster, *Andreas Dudith und die zwölfte Rede des Themistius*, «Neue Jahrbücher für das klassische Altertum», 6, 1900, стр. 74—93.

⁸ См. рецензию Г. Х. Хансена: «Gnomon», 38, 1966, стр. 662—666. Ср. G. Ch. Hansen, *Nachlese zu Themistios*, «Philologus», 111, 1967, Ht 1/2, стр. 110—118.

Издатели по-прежнему кладут в основу публикации текст Миланского списка, даже тогда, когда имеются более ранние рукописи. Так, при колляции речей XXV и XXVI были привлечены также Мадридский и Саламанкский манускрипты, но предпочтение отдается Миланскому, впрочем, исключения возможны: например, издатели читают ἀπνοῦς, в соответствии с этими рукописями (т. II, стр. 119.20), а не ἀγρόπνοος как стоит в Миланской. Думаю, что, скажем, чтение Мадридской и Саламанкской рукописей τὴν Ἀθῆνῶν τὴν ἐν τῇ πόλει также предпочтительнее принятого в издании τὴν ἐν πόλει (т. II, стр. 114.11), ведь речь идет о статуе Афины в определенном городе, в Афинах.

Отличия от издания Диндорфа и во II томе не слишком значительны. Чтения, предложенные Ю. Кестерсом в XXVI речи (см. прим. 2) и Г. Шнайдером в XXXIV (см. прим. 4), как правило, отмечаются в критическом аппарате, но почти никогда не вводятся в текст.

Большой проблемой является выбор последовательности речей. Все они разделены, как у Диндорфа, на «гражданские» речи, которые так или иначе затрагивают императорскую власть, и «частные». Само по себе это разделение небесспорно: почему, скажем, речь о председательстве в синклите (XXXI) причислена к частным? Следует ли речь «Братолюбия, или о филантропии» (VI) зачислять в раздел политических, тогда как речь «О дружбе» стоит среди частных?

Внутри разделов принцип последовательности неодинаков. Политические идут в хронологической последовательности (согласно Г. Шольце)⁹, а частные — вне какого бы то ни было хронологического порядка (т. I, стр. XX сл.). Впрочем, и последовательность политических речей не всегда бесспорна: XVIII речь Ж. Дагрон датировал примерно зимой 384—385 г., тогда как XIX, по его мнению, была написана, вероятно, до рождения Гонория (9 сентября 384 г.), т. е. ранее XVIII¹⁰. Принятая издателями традиционная последовательность во всяком случае не соответствует рукописной: в Миланском кодексе, положенном в основу издания, речи помещены в ином порядке.

Речи Фемистия при всей их риторичности — важный источник по истории социальной и культурной жизни Восточной Римской империи IV в. Сравнительно недавно IV речь была положена П. Лемерлем в основу изучения того культурного подъема, который переживал Константинополь при Констанции II (337—361)¹¹. Фемистия используют также для характеристики римских провинций, в том числе Фракии и Малой Скифии¹². Исследование же творчества самого Фемистия делает еще первые шаги; наиболее существенная работа в этом аспекте — уже цитированная монография Ж. Дагрона, из которой можно видеть, какой любопытной фигурой был этот оратор, язычник по вероисповеданию, пользовавшийся покровительством отнюдь не Юлиана, но арианина Констанция II и православного Феодосия I. Фемистий — идеолог монархии, один из тех, кто заложил основы византийского учения о царской власти, и вместе с тем поборник терпимости и поклонник античной культуры.

Творчество Фемистия заслуживает анализа и наших ученых. Пусть новое издание его речей послужит лишним стимулом к этому нелегкому, но важному делу.

А. К.

⁹ H. Scholze, *De temporibus librorum Themistii*, Göttingen, 1911. Эти же даты принимают и авторы *The Prosopography of the Later Roman Empire*, I, Cambr., 1971, стр. 893.

¹⁰ G. Dagron, *L'Empire romain...*, стр. 23 сл.

¹¹ P. Lemerle, *Le premier humanisme byzantin*, P., 1971, стр. 56 сл.

¹² В. Велков, Сведения на Темистий за Тракия, «Известия на Археологическия институт», 19, 1955, стр. 245—260; J. Barnea, *Themistios despre Scythia Minor*, «Studii și cercetări de istorie veche», 18, 1967, стр. 563—574.